

АЛЕКСАНДР БОРОДАВКИН

Фантастическая сага

ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ

Александр Бородавкин
Фантастическая сага.
Заметки читателя

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31507777
ISBN 9785449049834*

Аннотация

Заметки любителя фантастики о книгах, прочитанных давно и недавно, о темах, поднимаемых фантастами, о будущем и прошлом, какими они представлялись раньше и представляются сейчас.

Содержание

Прелюдия	6
Часть первая	23
На серебряной планете	27
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Фантастическая сага

Заметки читателя

Александр Бородавкин

У религии, человечества, нации, общества, идей, идеалов всегда есть свои апостолы, готовые отдать за них жизнь, выискивающие средства, как бы их поддержать, возвеличить, освятить.

Ян Парандовский. Алхимия слова.

Для кого я пишу? ... Да для самого себя. Для собственного нашего удовольствия. Я бы лопнул, если бы не писал.

Р. Роллан. Кола Брюньон

Пока слово не скажешь, то умным не станешь, оттого что в молчании ума нету – есть одно мученье чувства.

А. Платонов. Чевенгур

– Занятная авантюра, – заметил Ванек, который за пивом всегда любил вставить красивенькое словцо.

Я. Гашек. Похождения бравого солдата Швейка.

ISBN 978-5-4490-4983-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прелюдия

Сотри случайные черты – и ты увидишь: мир прекрасен!

А. Блок

Над вымыслом слезами обольюсь...

А. Пушкин

С тех пор как еще в детском саду я впервые увидел на развороте какой-то книги изображение звездного неба, вселенские просторы захватили меня, поманили ожиданием Неведомого. Повзрослев, я не посолиднел, не смирился с отсутствием чудес в обыденной жизни. Да и что понимать под словом «чудо»? Для меня это были не ковры-самолеты и джинны, а возможность видеть мир с разных точек зрения, полетать в невесомости, прикоснуться к лунной пыли, увидеть другие миры, побывать на планетах других звездных систем, встретиться с братьями по разуму, наконец. Затаив дыхание, я смотрел в кинотеатре «Солярис» Тарковского – так же, как несколькими годами раньше смотрел, не отрываясь, примитивные картинки «Туманности Андромеды»: я простодушно хотел верить (хотя и знал, что это не так), что вижу настоящий океан Соляриса, настоящую планету железной звезды...

Но фантастических фильмов было мало, и они были далеко не шедевры. Где же еще искать то, чего жаждала душа, как

не в книгах? А они, к слову, не лежали так вольно, как сейчас, на прилавках магазинов и на полках библиотек. Трудно представить, что когда-то фантастикой было даже наличие фантастической книги в свободной продаже, не говоря уже о существовании отдела в книжном магазине¹, где подобные книги нужно было не хватать, пока конкуренты не обошли, а выбирать, мучаясь сознанием невозможности объять необъятное. А тогда...

Чарующие названия: «Гианэя», «Туманность Андромеды», «Магелланово Облако», «Далекая Радуга», «Ветер времени», «Формула Лимфатера», «Шаги в бесконечности»... Пока все это волшебство проходило мимо, воображение рисовало немислимо завораживающие картины, подсознание ожидало откровений о Вселенной, о мире, о времени и реке, паутине и скале...

Некоторые из упомянутых книг до сих пор остались непрочитанными, даже сейчас: многое из того, что было привлекательным прежде, эту привлекательность потеряло, теперь другие интересы, другой взгляд на вещи. Другие, прочитанные, потеряли ореол и выцвели, поблекли; третьи бережно сохраняются в памяти и время от времени перечитываются. Не всем дано понять прелесть этого глупого занятия; как заметил один читатель, любовь к фантастике сродни му-

¹ Помнится, в ходе одного из конкурсов, которые в течение многих лет проводил журнал «Уральский следопыт», кто-то пошутил насчет отдела фантастики в книжном магазине. Ведь и правда, тогда это была фантастика, даже без привычного определения «научная»...

зыкальному слуху – или она есть, или ее нет...

К вопросу о терминах и классификациях.

С ними всегда непросто. Хорхе Луис Борхес в одной из своих фантастических рецензий на несуществующие книги² привел пример классификации, выполненной персонажем рассказа Уилкинсом, который делил металлы на несовершенные, искусственные, отделяющиеся и естественные, а камни подразделял на обыкновенные, драгоценные, прозрачные и нерастворяющиеся, – вполне в духе опять же вымышленной китайской энциклопедии, древние страницы которой сообщают, что животные делятся на а) принадлежащих Императору, б) прирученных, в) набальзамированных, г) сосунков... – и так далее, вплоть до последнего пункта: «о) издали похожих на мух». Так и в литературных классификациях легко сбиться на подобного рода классификационный бред.

Часто можно услышать словосочетание «в жанре фантастики». Но фантастика не жанр, это прием, способ отображения действительности, базирующийся на формуле: «Что будет, если...» Поэтому, употребляя выражение «в жанре фантастики», критик имеет в виду разновидности традиционных жанров – с добавлением эпитета «фантастический» (рассказ, повесть, роман... порой даже поэма).

К слову, гурманы от литературы, считающие фантасти-

² Борхес Х. Л. Аналитический язык Джона Уилкинса. – Борхес Х. Л. Проза разных лет. – М.: Радуга, 1984

ку чем-то второсортным, как-то забывают, что фантастический прием в литературе успешно используется с древнейших времен, начиная с мифов, сказок и легенд и заканчивая... Впрочем, еще ничто не закончилось, все продолжается. Другое дело, что использование упомянутого приема не всем по плечу и требует известного погружения в тему. В частности, Чингиз Айтматов попытался включить элемент космической фантастики в замечательный роман «Буранный полустанок» – и не преуспел: ткань книги не приняла чужеродный материал. И слава Богу, что это включение носило эпизодический характер и не влияло существенно на развитие действия, хотя, по замыслу, носило знаковый характер. В то же время народные мифы и легенды смотрятся в романе совершенно естественно, что подтверждает: писать нужно о том, что хорошо понимаешь. Да и восприятие фантастического элемента тоже требует некоторого когнитивного усилия.

Во времена перестройки Ирина Одоевцева, поэтесса, автор мемуаров «На берегах Невы» и «На берегах Сены», действующими лицами которых являются поэты Серебряного века, Гумилев и Ахматова, возвратившись из Парижа в Россию, взялась знакомиться с современной русской литературой, и кто-то посоветовал ей прочитать братьев Стругацких. Довольно прохладный отзыв был предсказуем: поэтесса искала каких-то языковых открытий – и прошла мимо того, что сделало авторов писателями мирового уровня: мимо их фи-

лософии, мимо их взгляда на мир и человека, мимо их боли за наше человеческое будущее.

Так что классификация (опять!!), которую предложил Евгений Лукин в эссе «Взгляд со второй полки», вполне актуальна³. Может быть, «Чевенгур» Андрея Платонова с точки зрения языка и превосходит, например, «Град обреченный» или «Гадких лебедей», но мысли, лежащие в основе книг братьев, заставили задуматься уже не одно поколение читателей. Сошлюсь на мнение критиков, утверждавших, что человек, не прочитавший в юности книгу Стругацких «Трудно быть богом», так и останется с прорехой в образовании.

Взгляд на фантастику как на «недолитературу» не может не печалить; Станислав Лем в беседе со Станиславом Бересем⁴ заметил, что «если писателя однажды поймали с поличным при написании чего-нибудь этакого, то с ним уже покончено навсегда». Автор сразу попадает в разряд второсортных сочинителей и его перестают воспринимать всерьез.

Там же Лем, ссылаясь на Сервантеса, Достоевского и Набокова, отмечает полезность «кровосмешительства» для литературы, отметив, что из «высоких» и «низких» компонентов многим удалось создать великолепный сплав.

³ Позволю себе усомниться, что «Чевенгур» придется по душе человеку «с другой полки»... Справедливости ради должен добавить, что далеко не все любители фантастики согласны с Евгением Лукиным, но мне слишком часто приходилось убеждаться в его правоте.

⁴ Фрагменты интервью печатались в журнале «Студенческий меридиан» в 1988—89 гг.

И тот же Лем сказал, что у него аллергия на фантастику. Взять хотя бы табель о рангах, предложенный им в письме Майклу Канделю⁵: «Существуют, *как известно*⁶, книги, которые *мы* любим и уважаем, такие, которые мы любим, но не уважаем, такие, которые уважаем, но не любим, и, наконец, те, которые мы не любим и не уважаем». К последним писатель относит книги типичной science fiction, – то есть, проще говоря, к фантастике. Авторское «мы» претендует на владение истиной в последней инстанции (это пришло из ученых трактатов, в которых автор действительно находился на переднем плане науки). Меня эта безапелляционность смутила. Если бы Лем высказался от первого лица, я принял бы его классификацию гораздо спокойнее. А так... он стал как-то дальше и – скучнее, что ли.

Прочитав поздние заметки и интервью Лема, я подумал, что причина кроется в интеллектуальном отрыве писателя от нас, непосвященных. Легко оперируя терминами, малопонятными скромному среднему читателю, играя цитатами на латыни, немецком и английском языках, он сам создает дистанцию между собой и простыми смертными. Понятно, что задача писателя не в том, чтобы опускаться до уровня читателя, а в том, чтобы поднимать, вести его за собой. Но... возникает не очень приятное ощущение, что Лем «играет» своей ученостью, бравивирует ею. Хотя, возможно, я неправ,

⁵ Цит. по книге: Лем С. Мой взгляд на литературу: М., АСТ, 2009.

⁶ Курсив мой -А.Б.

и фейерверк цитат и сносок – просто привычка ученого уточнять термин иноязычным эквивалентом. Тем не менее не могу согласиться с его стремлением «поверить алгеброй гармонию». Лем препарирует художественные тексты, соотнося художественную условность с научной достоверностью. И результат его, само собой, не устраивает. Требуя логики в поведении персонажей, Лем как бы не признает, что человек по сути своей нелогичен. Наблюдая безумие современного мира, невольно сделаешь вывод, что даже персонажи телесериалов действуют слишком уж «правильно»...

«Мне кажется, чем фантастичнее фантастика, чем она страннее и „безумнее“, чем дальше от обыденного и рутинного вынесена точка зрения автора, тем ближе эта фантастика к подлинной реальности, – писал Вадим Шефнер. – Чем невозможнее и сказочнее события, изложенные в фантастическом произведении, тем на большее количество подлинных жизненных событий может при случае спроецироваться творческий замысел художника и осветить их для читателя. Но это, конечно, только в том случае, если фантастика пишется не ради самой фантастики, не бегства от реальности в некие беспочвенные пространства. Нет, каждое фантастическое произведение должно нести в себе и некое надфантастическое задание».

Дерзну сравнить два взгляда на предмет спора.

В одном из «Сильвических размышлений» (за № LXII) Лем пробует представить, *что* через две сотни лет извлечет

археолог из литературы XX века, из фантастической литературы, в частности. «Во-первых, искусство как придание ценности формам, выводимым из беспорядка мертвой материи, он не отличит от мусора». Вот так, не больше и не меньше.

Оппонентом я выбираю не выдающегося стилиста, не маститого автора, а типичного представителя той фантастики, которая пренебрежительно отнесена мэтром к четвертому разряду («не любим и не уважаем»). Франсис Карсак (Франсуа Борд, некогда профессор университета в городе Бордо) в рассказе «Первая империя» тоже заставляет наших потомков судить о давно прошедшем XX веке по книгам. Но в рассказе Карсака роль фантастических сочинений, раскопанных археологами, не в пример выше: считая написанное в книгах правдой, потомки стремятся превзойти предков и строят «вторую галактическую империю». Правда в конце концов открывается, но...

Завернувшись в одеяла, четверо коллег-археологов глядели на небо. В ночи, прозрачной как хрусталь, совсем близко мерцали звезды; казалось, до них можно дотронуться рукой. Ян подумал вдруг, что надо быть снисходительнее к Предкам. Может, его предположение о жестоких правительствах, обманывающих народ, неверно? Может, эти хроники на самом деле отражали мечту? Мечту человечества, которое постоянно в пути... И он уставился на огонь; такой же огонь освещал лесную поляну перед входом в пещеры в те далекие времена, когда еще только Земля была

той Вселенной, которую предстояло завоевать. Ян задумчиво прошептал:

– В конце концов, так даже лучше. Первой империей будем мы.

Р. Ф. Джоунс в рассказе «Уровень шума» поделился секретом успеха: представители спецслужб демонстрируют ученым вроде бы созданный где-то аппарат, действующий на принципе антигравитации. Аппарат-де уничтожен, изобретатель погиб, но... Тем самым был снят психологический барьер, поколеблена уверенность в том, что «такого не может быть». И ученые, которых предьявленный видеоряд убедил в реальности аппарата, создают-таки действующую модель.

Мне как-то больше по душе оптимизм писателя. «Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой»...

Впрочем, есть фантастика – и есть фантастика. Есть авторы, всю используя литературные штампы и плодящие ходульных персонажей, неотличимых друг от друга, не заморачивающиеся подведением сколько-нибудь серьезной базы под свой сюжет... Сажай героя в звездолет, протыкай пространство и круши плохих чужих – стандартный набор лего от фантастики.

Даже у одного писателя обнаруживаются тексты очень разного качества. Гарри Гаррисон мог писать бесконечную серию авантюрных походов Джима диГриза – «стальной крысы» (скучнейшее, на мой взгляд, чтение, я одолел полтора романа и остановился) – и роман «Подвиньтесь! По-

двиньтесь!»), одну из лучших антиутопий, вполне достойную встать в один ряд с книгами Джорджа Оруэлла, Олдоса Хаксли и Евгения Замятина. Не могу не назвать еще и книгу «Билл – галактический герой», ядовитую пародию на «Звездных рейнджеров» Хайнлайна; при всем уважении к Хайнлайну я ставлю здесь на Гаррисона.

Фантастика многолика. Волгоградский учитель и писатель Евгений Лукин, выдает «страшную тайну»: «Господа! Всякий текст (включая цифры финансовых отчетов) – это фантастика чистой воды! Просто не всякий автор имеет мужество признаться в том, что он фантаст»⁷. О себе Лукин говорит с той же долей сарказма:

...Жил, учился и работал, не подозревая, что живу, учусь и работаю в фантастическом мире. Слова Достоевского о том, что нет ничего фантастичнее обыденности и что истина в России имеет характер вполне фантастический, искренне считал парадоксами. Потом все, кажущееся действительностью, затрещало по швам – и стало окончательно ясно, что классик не шутил. Точно так же, как лягушка видит лишь движущиеся предметы, мы прозреваем исключительно во время перемен. Потом опять слепнем. Но мне повезло. Я не только не смог срастись с нынешней небывальщиной, которую мы опять называем реальностью, – всматриваясь в нее, я понимаю, что и тот, ушедший, мир был не менее

⁷ Лукин Е. Взгляд со второй полки.

невероятен. Одна фантастика сменила другую.

Список авторов, естественно сочетающих в своем творчестве реальное и мистическое, сказочное, фантастическое, пространен (от Гомера до Гоголя, от Салтыкова-Щедрина до супругов Дяченко). Но трудно представить Булгакова, прокладывающего пути к звездам, как невозможно представить Ефремова, вводящего в свое повествование эльфов. У каждого творца свой круг интересов и тем, при том что задачи, решаемые столь разными по манере повествования и мастерству писателями, не так уж и сильно различаются.

Начну с так называемой «твердой НФ», когда в основу сюжета кладется научная гипотеза – из любой области науки, будь то физика, химия, социология или даже история (впрочем, почему «даже»? История – наиболее благодатный материал для создания альтернативных вариантов настоящего. На этой почве потопталось столько авторов, что даже просто перечислить их представляется затруднительным. Другое дело, что авторы альтернативок не всегда опираются на философскую основу, необходимую для подобного рода построений. Крути мечом и руби неверных – вот и вся, к сожалению, философия.). А текст, вышедший из-под пера Ивана Ефремова, Владимира Обручева, Грега Игана, Хола Клемента, Артура Кларка, Питера Уотса, всегда будет отличаться именно присутствием научной составляющей, и для понимания таких текстов не всегда хватает школьного образова-

ния⁸.

Собственно, именно «ученая» составляющая и стала для меня своего рода «наживкой», которую я проглотил в детстве и которая держит меня уже полвека. Может показаться, что обстоятельства, в которые авторы-фантасты помещают своих героев, надуманны и оторваны от действительности, но это близорукое рассуждение. Я не имею в виду попытки научно-технического прогнозирования. Мир меняется так стремительно, что многое из того, что было фантастикой в недавнем прошлом, уже стало суровой реальностью. Эпитет «суровая» не случаен, потому что варианты «розового» будущего так и остались мечтами, а «большой брат» стал реальностью.

Конфликт между поклонниками «чистого искусства» и искусства, опирающегося на документальную или научную основы, не вчера оформился: Лидия Гинзбург в книге «О психологической прозе» приводит мнение Гегеля, предостерегавшего поэзию «против опасности заговорить языком научной мысли», и слова Белинского: «Хотят видеть в искусстве своего рода умственный Китай, резко отделенный точными границами от всего, что не искусство в строгом смысле слова. А между тем эти пограничные линии существуют больше предположительно, нежели действительно; по крайней мере их не укажешь пальцем, как на карте границы госу-

⁸ Посмотрите на страницы ссылок, которыми сопровождается мои тексты Уоттс: перечень, достойный монографии!

дарства». Золотые слова! Если книга дает пищу уму и сердцу, если она трогает душу – это ли не искусство?

Совершенно неожиданно отыскался еще один штрих к теме. В журнале «Юный техник» в 1957 году печатались очерки Бориса Ляпунова «В мире мечты». Автор пытался сопоставить фантастические сочинения с реальностью – и вот какой интересный пассаж я нашёл в первом очерке, посвященном разбору фантастического романа А. Робида «Электрическая жизнь» (роман был издан в самом начале XX века и описывал жизнь в 1955 году):

Пожалуй, единственная несбыточная фантазия, которой так и суждено остаться на страничках старого романа, – это влияние «электрической жизни» на людей, вынужденных будто бы иногда спасаться от нее бегством. Нет, электричество оказалось помощником врача, исцелителем, распознавателем болезней. Беспокойство писателя было напрасным: век электричества... станет веком здоровья и долголетия!

Да, оптимизм автора очерка понятен; в давней шуточной песне тоже пелись дифирамбы электрическому веку, вплоть до «...нам электричество заменит пап и мам», но... разве не трубят сейчас исследователи тревогу по поводу влияния на здоровье электромагнитных волн, плотно заполнивших наш быт⁹? Да и сами приборы – не отрывают ли они

⁹ То и дело появляются самые противоречивые суждения о вреде, действительном или мнимом, причиняемом, в частности, мобильными устройствами.

нас от жизни, не погружают ли в виртуальную реальность – настолько, что отдельные личности перестают эти две реальности различать? Писатель, который задумался о возможном негативном влиянии электричества на нашу жизнь больше ста лет назад, оказался прозорливее журналиста, через полвека свысока прокомментировавшего его пророчества. В конце XX века Джон Варли в повести «Нажмите ввод» на новом уровне поднимает тему бегства от «электрической жизни», заставляя своего героя полностью отказаться от удобств, которые эта жизнь сулила, потому что у «удобств» была обратная сторона, стоившая не одной человеческой жизни...

Но довольно общих рассуждений!

Предлагаемый текст никак не претендует на роль мументальной монографии, призванной препарировать художественные тексты, выискивая в них такие продукты авторского метаболизма, как жанровое своеобразие, композиция, художественные особенности, средства выразительности и прочее, хотя кое-что из приведенного набора все же здесь присутствует.

Это и не энциклопедия: перечень книг заведомо неполон, поскольку невозможно прочитать все, а речь пойдет только о книгах прочитанных. А так как этот список непрерывно (хотя и все медленнее) пополняется, мне не удалось бы поставить точку, не прервав себя на очередном интересном примере. Тем более что задуман этот труд был давно, еще

в студенческие времена, и некоторые фразы почти без изменений перекочевали сюда из тогдашних заметок. Эпизодически с перерывами в несколько лет я возвращался к заметкам, пока не заставил себя закруглить, наконец, работу.

Мое мнение может не совпадать со взглядами критиков и других читателей, но, как говорится, кесарю – кесарево, а... ну, вы знаете. В записках фигурируют тексты как достойные восхищения, так и «проходные», случайные... хотя, как убеждает опыт, мало что бывает по-настоящему случайным. Я бы сказал, слегка потревожив того же Гегеля, что случайность – это неосознанная закономерность.

У каждого читателя свой «табель о рангах». Кто-то выше всех ставит Льва Толстого и Достоевского, кто-то – Шекспира и Сервантеса, кто-то – Платонова и Пастернака, кто-то – Петухова или Устинову. Было бы странно, если бы все читатели единодушно признавали некий официальный ранжир, согласно которому кто-то занимает литературный Олимп, а кто-то ютится в трущобах. Но, хотя единого общечеловеческого кодекса красоты не существует (иначе мы с разумным наноподом из соседнего рукава Галактики с равным восхищением смотрели бы на «Вечную весну» Родена; у нанопода, естественно, свой взгляд на вещи), – есть какие-то внутренние критерии ценности творения. Когда чувство меры отказывает, случаются курьезы¹⁰.

¹⁰ Помнится, как-то в новостях упоминали университетского профессора, назвавшего Илью Лагутенко лучшим поэтом современности. Ладно бы он ограни-

Как-то на досуге, поддавшись на уговоры, составил список ста любимых книг; может показаться странным, что далеко не все книги, о которых пойдет речь в моих заметках, вошли в этот список, в то время как далеко не все книги из списка здесь упомянуты, – но, как говаривал Холмс, «элементарно, Ватсон!». Темой предлагаемых ума пристрастных наблюдений является в основном фантастика в ее «твердом» варианте (то есть с определением «научная»), и такие книги, как «Древо человеческое» Патрика Уайта, «Дервиш» Селимовича, «Легенда об Уленшпигеле» Шарля де Костера, исландская «Сага о Ньяле», «Шум и ярость» Фолкнера, «Стон горы» Ясуси Иноуэ... ба, да пришлось бы перечислять больше половины списка! – просто относятся к другому логическому полю.

Мне всегда было интересно знать, что думают другие о заинтересовавшей меня книге; раньше я часто бывал загнипнотизирован критическими отзывами, ломавшими мое мнение, и это было очень плохо. Но потом мне надоело примеривать на себя чужие мысли, я встал, отряхнулся и позволил себе любить то, что мне по душе.

«Не мысля гордый свет забавить...», пишу больше для себя, чем для других читателей, у которых, вне всякого сомне-

чился тем, что обнародовал свое мнение, но зачем предлагать включать «Тролля» в учебную программу? Между фразой «Я люблю слушать, как „Мумий Троль“ исполняет свои сочинения» и фразой «Это должно стать всеобщим достоянием, а все остальные исполнители Илье в подметки не годятся» большая разница... Пусть слушают, кому нравится, а по мне – век бы его не слышать.

ния, найдется лучший материал для досуга. Как выразился герой романа Дэна Симмонса «Эндимион», «право слово, зря вы это читаете»!

Не доверяйся книгам; в них слилось прошедшее с грядущим. Обращайся лишь к сущему.

Райнер Мария Рильке

Часть первая

Плеск звёздных морей

*Когда созреют гроздья звезд,
Расправит плечи Млечный Мост,
Тогда раскроется душа,
Читай ее, листай страницы!
И из небесного Ковша
Тебе захочется напиться...
В. Михановский. Шаги в бесконечности*

Итак, в путь! Прежде чем заняться философскими проблемами, отправимся в путешествие. Это первый, самый простой уровень литературной игры, в которую человечество играет с тех пор как обзавелось письменностью... и даже задолго до этого. Глубина, смысловые пласты, человековедение, игра образами – все это придет позже, с опытом. А пока – своего рода квест, цепь приключений тела в физически привычном мире, с детства привлекательном, манящем. Просто путешествие. Оно будет продолжительным, так как фантасты освоили не только просторы родной Солнечной системы, не только ближнюю ветвь не менее родной Галактики, но и всю обозримую и необозримую Вселенную, вплоть до тех ее уголков, куда, согласно теории относительности, никак нельзя заглянуть физически... но ведь есть воображение!.. Уж оно-то заглянет куда дальше, чем позволят

всякие зловредные теории.

Но звездные моря чуть подождут. Прежде чем рассматривать журавля в небе, приглядимся к синице, которая... ну, почти уже в руках. Луна уже хранит отпечатки подошв космонавтов¹¹; пыльные тропинки Марса тоже, возможно, скоро будут протоптаны, а там не так далеко и до других планет Солнечной системы.

А сначала были мечтатели¹², чье воображение первым вырвалось из пут земного притяжения и ринулось ввысь.

Во Вселенной мириады тропинок, по которым человеческому воображению еще предстоит пройти, и такое же бессчетное множество троп исхоженных. Составить карту, на которой они все были бы обозначены, не представляется возможным, хотя бы потому, что каждый день протаптывается десяток новых. Но попробуем пройти хотя бы по некоторым из них: по утоптаным, превратившимся чуть ли не в проспекты, и по едва намеченным, по таким, которые только угадываются в пене допространства...

Выберем средство передвижения. Если отбросить недоверенные слухи о перемещениях через над-, под-, сверх- и еще-какое-то-пространство, то и тогда выбор окажется достаточно богатым. Отправиться в путешествие можно в результате столкновения Земли с кометой (Жюль Верн, «Гектор Сервадак»), или с планетой другой вселенной, из ниче-

¹¹ Но сколько споров вокруг этого утверждения!

¹² «Надо мечтать!» – утверждение классика марксизма трудно оспорить.

го явившейся и в ничто умчавшейся (Франсис Карсак, «Робинзоны космоса»), или в результате неосторожного обращения со сложной аппаратурой (К. Прист, «Машина пространства»), не говоря уж о многострадальном пушечном ядре, на котором путешествовал не только небезызвестный барон Мюнхгаузен, но и герои того же Жюль Верна (добавим к списку и Ежи Жулавского!). Иные оседлывают собственную планету и отправляются: мы – к ним (Ф. Карсак, «Бегство Земли»), они – к нам (Г. Гуревич, «Прохождение Немезиды») ... Но большинство предпочитает более традиционный, надежный и проверенный способ: путешествовать в космическом корабле (или на нем).

О космический корабль!.. Когда-то древние мореплаватели уходили за горизонт непокоренных морей, не представляя, с чем они там встретятся, и воображали всяческие чудеса за бесконечной чередой соленых волн. Астронавты из книг в чем-то подобны им, пусть даже и полагают наивно, что, раз цель сияет в небе, открытая взглядам, то чудес не предвидится. Ст. Лем некогда и обнадеживал, и предостерегал: «Среди звезд нас ждет Неизвестное». Иллюстрацией к этому тезису, пусть излишне прямолинейной и грубоватой, на мой взгляд, может служить небольшая повесть Д. Биленкина «Десант на Меркурий», – в ней космическим первопроходцам приходится признать, что даже зрение может перестать быть надежным свидетелем реальности. Чуть подальше от Земли – и вот, пожалуйста, уже и собственным

глазам нельзя доверять...

Но неизвестное нас ждет уже за границей земной атмосферы. Об этом убедительно повествует, например, А. Беляев в книге «Звезда КЭЦ» – эту книгу ругают, но я помню свои детские впечатления, свой восторг от знакомства с новыми людьми, новыми картинами, новыми научными идеями. Она надолго захватила меня и подготовила почву для понимания науки. То, о чем позже с натугой пытались сообщить мне учебники, вливалось в сознание без всякого сопротивления; книга – этакий сверхпроводник, хранящий ток много после того как отключен источник питания... До сих пор помнятся астроном, пауком обосновавшийся в своей обсерватории, оранжерея на орбите, обезьянка-мутант...

На околоземной орбите находят странный артефакт героини романа Дэвида Брина «Бытие» – и оказывается, что Земля буквально нашпигована пришельцами, вот только форма существования их, как и цели, оказываются несколько... как бы это сказать... неклассическими. Какими? Прочтите книгу, она того заслуживает.

Да, космос зовет! Следующая цель – Луна.

На серебряной планете

– Луна, – размышлял я вслух, – что вы рассчитываете там увидеть? Я всегда думал, что Луна – мертвый мир.

Он пожал плечами.

– Что вы рассчитываете там увидеть?

– А вот посмотрим.

Г. Уэллс. Первые люди на Луне.

Вероятно, первым посетителем ночного светила был Одиссей; следовательно, история того, как воображение покоряло нашу верную спутницу, насчитывает не одно тысячелетие. С тех пор на Луне побывали герои многих литературных творений: достаточно вспомнить сочинения Сирано де Бержерака («Иной мир, или Государства и империи Луны»), Эдгара По («Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфалля») ... Упомянуть все произведения, написанные уже в наше время, не представляется возможным, это уже тема специального исследования.

Авторами первых сочинений о путешествиях на Луну руководило почти детское любопытство: что же представляет собой этот мир над головой, такой близкий – и такой дразняще недоступный? Кроме того, вероятно, в те времена как-то само собой разумелось, что обширные территории небесного государства просто не могут не иметь своих жителей, –

и со страниц книг на нас глянули селениты, безобразные, непонятные и порой жестокие создания, плод ночных кошмаров.

Сначала мне показалось, что перед нами стоит неуклюжее четвероногое с опущенной головой; потом я разглядел, что это была тщедушная фигурка селенита на коротких, тонких ножках, с головой, вдавленной между плечами. Он был без шлема и без верхней одежды. [...] Казалось, что у него не лицо, а какая-то страшная маска, ужас, бесформенность, не поддающаяся описанию, без носа, с двумя выпуклыми глазами по бокам, – сначала я принял их за уши, которых вообще не было. [...] Рот был искривлен, как у человека в припадке ярости... Шея, на которой болталась голова, расчленялась на три сустава, напоминающие ногу краба...

Таким увидел лунного аборигена Герберт Уэллс, который, кстати, изобрел довольно оригинальный способ межпланетного путешествия – неважно, что критики от науки¹³ разбили в пух и прах построения Уэллса, указав, что работа, которую должны были совершить Кэйвор и его спутник, отгораживаясь заслонкой из кэйворита от земного тяготения, эквивалентна работе по переносу той же массы в бесконечность (стоило ли огород городить?), – до Уэллса на Луну летали главным образом во сне, в птичьих упряжках и в пу-

¹³ Не помню точно, но, по-моему, я прочитал это у Я.И.Перельмана

шечном ядре, что явно недостоверно, а реактивный двигатель еще не был придуман. В кэйворит как-то легче верится, он не мешает впитывать впечатления, он – условность, призванная донести до читателя нечто более важное, чем описание способа передвижения. Именно это «нечто» постепенно становится в книгах о космосе главным, и изобретения позднейшего времени типа телетранспортировки призваны избавить автора от необходимости долго и нудно объяснять, каким образом герой переместился из пункта А в пункт Б, который, по мнению автора, более подходит для реализации его замысла. А пока так же, как когда-то мчались в пушечном ядре Мишель Ардан, Барбикен и Николь, летят к Луне Ян Корецкий и его спутники, чтобы заложить основу новой цивилизации. Но на этом сходство и заканчивается. Это Жюль Верн хотел просветить читателя и рассказать о том, что известно о Луне современной ему науке. Жулавский обошелся и без селенитов – его больше интересовали люди. Он хотел узнать что-то новое о людях – и Луна показалась ему наиболее подходящим плацдармом.

Бросим беглый взгляд на лунные ландшафты, на фоне которых разворачиваются драматические события лунной трилогии. Обратная сторона Луны еще оставалась тайной за семью печатями, и эта недоговоренность оставила писателю простор для воображения. Он придает Луне форму яйца, сохраняет кое-где атмосферу, воду и все остальное, необходимое для жизни. (Хотя будет ли такая жизнь нормальной –

это бо-ольшой вопрос!) А его герои, прилунившись в центре безжизненной стороны, совершают беспрецедентный поход за край видимого с Земли диска – и обнаруживают долину, в которой можно дышать. Если можно дышать, можно жить: много ли человеку надо на самом деле, помимо тех потребностей, которые он сам для себя выдумал?

Мы действительно находились теперь на северном полюсе Луны. Станный край! Край вечного света и вечного мрака, где нет ни сторон света, ни восхода, ни заката, ни полдня, ни полночи. Лунная ось почти перпендикулярна к плоскости эклиптики, так что Солнце здесь не уходит за горизонт и не поднимается к зениту, а будто бы вечно катится по краю неба. Если подняться на одну из окрестных гор, то Солнце кажется плазменно-красным шаром, лениво проползающим у самого горизонта. Вершины гор вечно пылают в розовом сиянии, которое льется на них каждый раз с иной стороны; от сотворения мира эти горы не видели ночи. Зато зеленые долины у их подножий никогда не видели Солнца. На них неизменно лежит тень высот, здесь царят вечные сумерки или вечный рассвет. На свежую темную зелень падают лишь отблески нагих, розовеющих от Солнца вершин – словно огромный венок бледных роз, брошенный на траву. Лишь иногда, раз в два земных месяца, Солнце, слегка приподнятое лунной либрацией над горизонтом, сверкнет в расщелине меж скал пламенно рдеющим ликом и застынет так на мгновение в горных

вратах, словно златокрылый херувим. Тогда по ущелью струится огромная река огня, каскадами падает со скал и широкой золотисто-багровой полоской ложится на сумрачные низины. Проходит несколько часов, Солнце прячется за горы, и мягкий полумрак снова заливают тихую долину¹⁴.

Обстоятельность, скрупулезность, неторопливость, так свойственные старым книгам... Да полно, так ли уж стара лунная трилогия Жулавского? Первый ее роман – «На серебряной планете» – был издан на языке оригинала в 1902 году; казалось, было достаточно времени, чтобы познакомиться с ней так же близко, как знакомы мы с той же лунной дилогией Жюль Верна или «Первыми людьми...» Уэллса. Но... роман Жулавского был однажды издан в серии «Зарубежная фантастика» издательства «Мир», а об остальных двух книгах – «Древняя Земля» и «Победоносец» – вообще не было упоминаний. И, думаю, не случайно. Мы имеем дело с той же системой, которая, однажды нечаянно пропустив «Час Быка» Ивана Ефремова, всеми средствами замалчивала неудобную книгу. Роман вроде бы и издан, но найти его почти невозможно (если у вас нет связей): в библиотеке его выдадут только по специальному разрешению, а находящиеся в личном пользовании экземпляры не афишируются и соответственно, не поддаются учету.

Это не праздные спекуляции на тему «совка»: я столкнул-

¹⁴ Перевод А. Громовой и Р. Нудельмана

ся с такой проблемой на собственном опыте, и именно благодаря «выгодным» знакомствам добыл несколько желанных текстов.

Можно представить, сколько вреда принесла нашей культуре игра в прятки! В результате мы имеем то, что имеем: накопившиеся в столах книги хлынули потоком, затопили читателя, и он в них захлебнулся¹⁵. То, что было актуально в свое время, превратилось в анахронизм, и огромный труд рассыпался журнальным прахом.

Но что толку сокрушаться о том, что могло быть, но чего не случилось? Вернемся пока к Жулавскому.

Боль, испытанная Матаретом, потомком людей, основавших лунную цивилизацию, созвучна боли, которую обнажает перед всем человечеством больная совесть наших классиков. «Древняя Земля!» – саркастически и презрительно шепчет Матарет, уходя от огромной афиши на фонаре, обнародовавшей следующие выводы:

«Граждане! Нам уже не нужны мудрецы! Нам хватит того, чего мы достигли к настоящему времени. Правительство, имея в виду благо общества, вынуждено положить конец непомерной гордыне и разрушительным тенденциям.

А посему:

1. С сегодняшнего дня распускается объединение ученых, существующее под наименованием «Братство

¹⁵ Написано в 1991 году.

всеведущих».

2. Отменяются все пенсии, до сих пор выплачивавшиеся ученым, и им предоставляется право зарабатывать себе на жизнь физическим трудом.

3. Равно закрываются все заведения, занимающиеся так называемой «чистой наукой» и проводящие бесплодные исследования; остаются функционировать лишь институты, приносящие непосредственную пользу и экономическую выгоду.

4. В дальнейшем самым строгим образом под угрозой сурового наказания запрещается содержание частных лабораторий и издание трудов, которые после рассмотрения рукописей особой цензурой не будут признаны полезными для общества.

5. Сохраняются и содержатся на прежнем уровне ныне существующие профессиональные школы, но раз и навсегда закрываются все высшие школы, так называемые «философские», или «общие», и прежде всего содержавшаяся до сих пор за государственный счет «школа мудрецов».

6. Во избежание любого обхода распоряжения, изложенного в п.5, категорически запрещается частное обучение, под каким бы видом оно ни производилось.

Граждане! Правительство надеется, что вы с благодарностью примете к сведению настоящий указ».

Вполне современно звучащие строки! Разве мы постоянно не балансируем на острие бритвы и не готовы сорваться в ту самую пропасть, которую живописал Жулавский? Раз-

ве не являются у нас ассигнования на образование, науку и культуру настолько мизерными, что и без подобного указа эти надстройки в не очень отдаленном будущем прекратят свое существование? Работая в школе, невольно озадачиваешься подозрением, что в министерствах засела некая вражья сила, задавшаяся целью убить школу. Возможно, она, эта сила, как и энтузиасты-революционеры сто лет назад, руководствуется лозунгом «разрушим до основания, а затем... новую школу построим: кто был никем, тот станет всем»: обилие бумаг, которые нужно заполнять, отправлять и снова заполнять похожие, но все же чуть отличающиеся, отнимает время на уроки, на подготовку к урокам; отупляет, наконец. Приводит буквально в ярость – и не хочется больше «творить, выдумывать, пробовать».

И тут в памяти открывается окошечко: все это мы уже проходили! Перелистаем «Бесов» Федора Михайловича и перечитаем:

Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет. В мире одного недостает: послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание, мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство... Необходимо лишь необходимое –

вот девиз земного шара отселе...

Поневоле задумаешься: не вертится ли история в чудовищном колесе, вновь и вновь прокатываясь по нашим спинам, а мы каждый раз лишь крикаем и привычно расправляем вмятые позвонки?

А в туманной дали будущего уже маячат знаменитые антиутопии: «Мы» Евгения Замятина, «1984» Джорджа Оруэлла, «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли, «451 по Фаренгейту» Рэя Брэдбери...

При этом романы Жулавского вовсе не являются памфлетом. Даже самая плодотворная идея зачахнет без художественного обрамления, как тело не сможет жить без души. Нет, эти книги – произведения именно художественные, в которых есть и боль, и радость, и ненависть, и любовь... и красота, та самая, которая должна спасти мир.

...В 1967 году Клуб любителей фантастики МГУ провел анкетный опрос читателей, и я тогда был лишь чуть младше 13-летнего знатока, который, отвечая на вопрос: «Какие проблемы занимают Вас?», заявил: «Мне хочется чего-нибудь вроде деформации пространства-времени в складках дезплузионных слоев при наложении параллельных пространств» (!!!) А Владимир Савченко, комментируя анкету, заметил: «Из этого парня выйдет толк!» Ну что ж... Тогда было важным постижение внешнего мира, погоня за чудесами и диковинами, которых не встретишь в обычной жизни и которые хотелось увидеть хотя бы в воображении, в звезд-

ной дали. Попадись мне в 13 лет книга Жулавского, я... не могу ручаться, но, возможно, одолел бы ее – и вряд ли что-нибудь при этом понял, вряд ли проник бы под оболочку, наверняка сказал бы: «Подумаешь! у Жюль Верна интереснее!» Жулавский не увлекает чудесами и диковинами, нет в его книге безобразных селенитов (хотя есть намек на них в первой книге: когда-то здесь обитали разумные существа). Забросив на Луну Адама и Еву, он исследует пути возникновения цивилизации, религии, пути развития общества, факторы, определяющие эти пути...

Самое время вспомнить И. Ефремова: «Претендуя на роль натурфилософии, фантастика должна отвечать обязательному требованию: быть умной. Быть умной, а не метаться в поисках каких-то необыкновенных сюжетных поворотов, беспочвенных выдумок, сугубо формальных ухищрений».

(Хмм... а иногда все же хочется увлечься игрой ума, теми самыми формальными ухищрениями – почитать те страницы Фолкнера, Джойса, на которых они уводят читателя в лабиринты сознания, и это чертовски увлекательное блуждание! Тут уж, как говорится, дело вкуса, и накладывать ограничения на что-то – себе вредить. А еще и строгая наука подвергает в искушение: цитирую статью Романа Подольного в журнале «Знание – сила», 1972, №1¹⁶: «Квazarы – ме-

¹⁶ Почему такой старый источник? Потому, вероятно, что позже было написано очень много текстов на тему взаимодействующих пространств и других все-

ста, где наша Вселенная соприкасается с другой вселенной (точнее, квазивселенной). Какой бы странной ни казалась эта гипотеза, некоторые физико-математические уравнения приводят к еще более невероятной умозрительной гипотезе: каждая элементарная частица в нашем мире [...] сама оказывается Вселенной (точнее, квазивселенной)». Чем хуже «складки дезплузионных слоев»?)

Но вернемся пока на Луну. Она оказалась великолепной экспериментальной площадкой и для «физиков», и для «лириков». Ее поверхность изучали герои Владимира Беляева, Владимира Михановского, других, менее известных авторов. Под куполами на ее поверхности и в ее недрах жили герои Артура Кларка, Станислава Лема, Айзека Азимова, знакомились, проникались симпатией друг к другу или становились врагами, организовывали спасательные операции... С нее же нацеливались на Землю батареи ракет, должных держать в страхе и повиновении стадо землян. Воинственный первый грандмастер¹⁷

ленных, а эта статья была первой (или одной из первых) и поэтому запомнилась отдельно.

¹⁷ Это не эпитет, это титул, и Роберт Хайнлайн удостоился его первым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.